

Затонувшие мечты

(Комедия в одном действии)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Адриан (24 года)

Бруно (друг Адриана, 23 года)

Элунэй (подруга Бруно и Адриана, 23 года)

Марина (мать Адриана)

Марчелло (сын предпринимателя, 30 лет)

Доставщик

Действие происходит в приёмной отеля, которым управляет Марина.

Не слишком роскошный, но и не убогий интерьер: простой и приличный отель в небольшом городке. Справа в холле находится стойка регистрации. На ней стоят: стационарный телефон, кувшин с орхидеями, а на противоположной стороне — лампа с абажуром, излучающая тусклый свет. Позади стойки — два вращающихся кресла и небольшой сервант. С левой стороны выглядывает входная дверь отеля, а с правой — другая дверь, к лестнице, ведущей на другие этажи здания. Сценография в целом должна быть задана в тёплых тонах, таких как красный и жёлтый. Обстановка не должна быть слишком яркой.

Первая сцена

Адриан: Безусловно, если я бы приспособился и начал принимать то, что большинство людей вокруг меня не мечтают сами, а следовательно, и не верят в мои мечты, всё было бы проще. Однако я должен уточнить, что меня никогда не прельщала идея вести простую жизнь. Я бы чувствовал себя чрезвычайно нелепым человеком, если бы таил надежду, что многие могли бы понять, что для меня значит иметь мечту. Что многие могли бы ценить или презирать меня за те ценности, в которые я действительно верю, а не за то, что вообще не имеет значения. Поэтому я уже давно перестал проявлять интерес к этим людям и продолжаю утверждать, что жизнь, в которой отсутствует возможность мечтать, слишком напоминает смерть... я имею в виду духовную смерть, а не физическую, конечно. *(пауза)*

Я не верю, что мечты тесно связаны с возрастом, с местом, в котором человек живёт, с его социальным статусом или с каким-либо другим бесчисленным множеством обстоятельств. В большинстве случаев мечты имеют отношение лишь к нам самим. Мечта — это своего рода вызов, соревнования с самим собой. С собственной силой воли, с собственной совестью, понимаете? И самое главное:

мечта в начале представляет собой что-то духовное и возвышенное. Затем бывает, что появляется возможность поделиться ею с другими людьми, воплотив её в жизнь. Но это лишь завершающая часть всего процесса и, на мой взгляд, наименее интересная. (пауза)

Вот уже несколько месяцев я работаю здесь. Я провожу тут ночи. Но это временная работа, и я согласился на неё лишь потому, что моя мама владеет этой гостиницей и нуждается в помощи. Она ужасно устала. Мой отец покинул нас несколько лет назад. Он развелся с Мариной, а потом просто испарился. С тех пор маме нужно, чтобы я её поддерживал во всём: как в самых глубинных вопросах, так и в самых прагматичных. И я не жалею о том, что я здесь. По ночам тут тихо, людей мало. Я пользуюсь этим и в это время выполняю университетские задания. (пауза)

Время от времени сон застает меня врасплох, и я засыпаю за рабочим столом. Я облакачиваюсь головой на спинку кресла и... начинаю видеть сны. Иногда я помню свои сны более отчетливо, а иногда менее. И вот сегодня первый из этих двух сценариев. Когда-то я занимался лёгкой атлетикой, бегал и, по счастливой случайности, довольно часто выигрывал соревнования, в которых участвовал. Я побеждал в одних соревнованиях, побеждал в других, и так до тех пор, пока не достиг превосходного уровня подготовки, который позволил мне мечтать о победе на чемпионате мира. Возможность того, что всё это сбудется, существовала; это не было несбыточной или безумной мечтой. Более того, я был не единственным, кто это утверждал. А совсем недавно мне снилось, что я выигрываю чемпионат. Я у финиша и мне наконец представляется та долгожданная возможность поднять в воздух Знамя Мира. Да, именно это и делало сон таким беспокойным — желание поднять то самое знамя на глазах у всей планеты! Передать простое и ясное послание: нет смысла разделять спорт на нации, так же как и нет смысла в том, чтобы разделять мир на нации. Более того: есть ценности, которые, в идеале, должны объединять всё человечество.

Вторая сцена

Марина: Сегодня я никак не могу уснуть, так что пришла размять ноги. Приятно видеть тебя здесь... (равнодушно) Летние ночи так утомительны, от жары душно круглые сутки! Как ты, сынок, всё в порядке? Ты случайно не заснул здесь? На тебе лица нет! Какой ты бледный сегодня!

Адриан: Не волнуйся, я в порядке, мам.

Марина: Давай-ка не обманывай! (саркастично) Ты устал и это заметно.

Адриан: Полагаю, это всё расписание. Из-за того, что я сплю днём, а работаю ночью, я иногда чувствую себя разбитым, но я не жалею.

Марина: Расписание... Да, должно быть, так и есть! А не вызвана ли эта твоя

усталость скорее тем, что ты проводишь здесь ночи, размышляя о прошлом и желая повернуть время вспять? Чтобы снова соревноваться? Не в этом ли случайно причина твоей бледности?

Адриан: Ты напрасно волнуешься, мама.

Марина: Ох! Разве не стоит мне волноваться, если я увижу, что мой сын бледен, как полотно? Ты мне это предлагаешь? Этого ли ты ждешь от своей матери (высокомерно)?

Адриан: Успокойся, Марина, я ещё раз тебе говорю, что со мной всё в порядке. Постарайся успокоиться.

Марина: Бесполезно, я не могу, не могу... Я не могу, потому что осознаю, что невозможность посвятить себя спорту, одному из твоих мечтаний, мучает тебя. Но ты должен похоронить прошлое и двигаться дальше. Ты не вправе позволить невзгодам, через которые ты уже прошёл, взять верх над твоей жизнью (пауза). Подобное случается со многими людьми: один парень открывает бар, и в какой-то момент его бизнес терпит крах... одна девушка идёт на прослушивание и её не принимают в хор... У каждого есть маленькие планы, проекты, мечты, которые он хочет реализовать в жизни, но мы все одинаково осознаём, что мечты не всегда сбываются. Что просто недопустимо быть таким уязвимым, как ты. Недопустимо ныть, отчаиваться и падать в обмороки, если одна твоя мечта разбивается вдребезги. И это всё при том, что уже прошло несколько месяцев с тех пор, как тебе пришлось перестать посвящать себя спорту (в порыве, почти в ярости)...

Адриан: Я даже не знаю, что тебе ответить (с недоумением, сбитый с толку). Неправда, что я хнычу, падаю в обморок и отчаиваюсь из-за одной мечты. Ничего подобного... Это твои типичные преувеличения. Мне просто трудно совсем забыть прошлое и не перебирать в памяти то, во что я верил и что, хотя и не было единственным моим источником счастья, но вызывало у меня определенную радость и умиротворение... Человек не может в одночасье отказаться от своего прошлого, каким бы оно ни было: далёким или недавним. Ведь это то, что является частью нас самих, нашей личности.

Марина: Да, это правда, но не мог бы ты хотя бы попытаться сосредоточиться не только на прошлом, но и на своем настоящем и будущем? Нет ничего важнее будущего. Ты должен усвоить, что когда мечта становится неосуществимой, надо оставить её, забыть о ней. В противном случае это только принесёт тебе плохие воспоминания и внутренние страдания, ведь нереализованная мечта всегда остаётся нереализованной мечтой и ничем более, и никого это не волнует.

Адриан: Воспоминания не причиняют мне страданий, ты путаешь. В моей жизни были разные мечтания, и спорт был лишь одним из них. Мне в этом не повезло: мне внезапно пришлось отказаться от соревнований. Но не думай, что я огорчён

и разочарован. Я уже принял то, что произошло, и это меня больше не мучает. Причем важно не столько то, сбылась мечта или нет, сколько то, была ли возможность мечтать. И я радуюсь мечтам, которые у меня были. (искренне, предельно спокойным и уравновешенным тоном).

Марина: Я рада за тебя. Но это бесполезно. Я ещё раз настаиваю, что сейчас тебе нужно думать о будущем.

Адриан: Я постоянно думаю о будущем. В своей жизни я посвящал себя различной деятельности, у меня были проекты, стремления; но тот факт, что удача в последнее время отворачивалась от меня, совсем ничего не значит. Прошое навсегда останется в моём сердце, но это не мешает другим моим мечтам развиваться в будущем. Они будут появляться понемногу, и, как только я за них ухвачусь, я постараюсь воплотить свои мечты в жизнь наилучшим образом. В этом я уверен. Поэтому, прошу тебя, перестань беспокоиться понапрасну (пауза).

Марина: У тебя там нет чего-нибудь выпить? Можешь передать мне бутылку пива, пожалуйста?

Адриан: Держи. Вот стакан.

Марина: (кивает головой в знак благодарности, потом начинает ходить со стаканом в руке, отвлекается, а затем важничает) Видишь ли, Адриан, у меня тоже в прошлом были мечты. Я не такой тусклый человек, как ты, который меня не очень уважает, можешь подумать. Я и сама была по-своему амбициозна (пауза). И я всегда развивала свои стремления и увлечения. В последние годы, например, помимо работы, я стала интересоваться собаками и собаководством в целом; я занималась самообразованием, а также училась у различных людей: у заводчиков, у дрессировщиков собак, у ветеринаров. Я проходила очные и дистанционные курсы. Если неподалёку организовывали курс, я всегда старалась туда попасть. Чтобы послушать выступление профессионалов, я даже была готова преодолевать многие километры; к тому же я нисколько не брезговала различными волонтерскими курсами, такими как для работников зоопарка, например (пауза). Я много говорю, хотя на самом деле ты и без того уже всё знаешь об этой моей увлечённости, стремлении, скромной мечте... называй это как пожелаешь.

Третья сцена

Марина: Смотри кто идёт! К тебе, несмотря на поздний час, идёт твой друг Бруно! Мне лучше удалиться в свои покои и попытаться заснуть, скоро одиннадцать часов. Желаю тебе спокойной ночи.

Адриан: Спокойной ночи! (Марине)

Тебе тоже не спится? (обращается, смеясь, к приближающемуся Бруно)

Бруно: Пока рано, ещё не время спать. И вряд ли мне удастся заснуть сегодня. Чувство беспокойства гнетёт меня, я нервничаю. Так что я решил немного прогуляться по пустынному в это время городу и зашёл к тебе. В конце концов, чтобы добраться сюда, понадобится не больше десяти минут.

Адриан: Да, правда, мы всегда были своего рода соседями.

Бруно: Ах, сегодня я охвачен тревогой, поскольку не знаю, что ждёт меня завтра (качает головой, а затем прикрывает лицо руками). Завтра утром у меня будет первое собеседование в компании, которая производит оборудование для тренажёрных залов, а конкретно — беговые дорожки. Ты и сам её знаешь, у них штаб-квартира в столице и небольшой филиал здесь. Помимо этого, завтра приедет сын директора. Как я понимаю, он на какое-то время поселится в этом районе. Мне нужно будет поговорить с ним, чтобы обсудить условия контракта, который мне предложили. Это вполне нормально, что я так себя чувствую, правда? Я всего лишь студент, который был увлечён легкой атлетикой, мне 23 года, я на биологическом факультете, у меня так мало опыта... и, прежде всего, я чувствую себя некомфортно в этом мире предпринимателей. Я всё ещё чувствую себя таким чужим, но я привыкну со временем, ты так не думаешь?

Адриан: Я не знаю, привыкнешь ли ты или нет. Надеюсь, для твоего же блага, что нет. Ты умный человек и заслуживаешь лучшего, чем работа в компании по производству спортивного оборудования. Видишь ли, если бы ты не был блестящим человеком, я бы порадовался за тебя, но это не тот случай... И я совершенно уверен, что ты сам ожидал от себя чего-то большего и что люди, которые тебя действительно знают, ожидали от тебя чего-то большего, не так ли?

Бруно: Да, конечно, так и есть (грустным тоном)... И то, что я тебе рассказал, это не всё. Я не только принял решение попытаться стать частью этой компании, согласившись на контракт, я также решил навсегда бросить спорт и перестать выступать на соревнованиях.

Адриан: Я и понятия не имел (удивлённый новостью). Но когда ты принял это решение? Почему ты до сих пор мне не рассказал? В конце концов, мы знакомы всю жизнь и были партнёрами по тренировкам многие годы. Признаюсь, это застало меня врасплох...

Бруно: Да, на протяжении многих лет мы тренировались вместе и сильно сдружились (кивает). Какое совпадение, что в нашем маленьком городке есть такая перспективная легкоатлетическая команда национального уровня, и даже больше, что нам выпала возможность прожить столько моментов вместе! (пауза) Что касается твоего вопроса, то я не делился с тобой тем, что собирался уйти из спорта, потому что мне было нелегко признаться в этом, особенно тебе. Да, мне было особенно сложно намекнуть на эту перемену, которую я намеревался осуществить, именно тебе. Ты был одним из немногих, кто ещё не знал об этом.

Адриан: Но в чём причина этого изменения? Я всё ещё не понимаю.

Бруно: Изменение... мы оба называем это “изменением”, хотя не знаю, правильно ли это так называть, потому что в реальности это не является чем-то, что я стремился изменить, совершенно нет. Скорее, я бы сказал, что я эволюционировал в новую реальность, и я не уверен, что она делает меня счастливым. Я просто поддался ощущениям, интуиции. Раньше я занимался лёгкой атлетикой; бегал, тренировался, соревновался, но с годами эта первоначальная радость постепенно ослабевала. Тренировки становились всё более похожими на серую рутину, на что-то, что приходилось делать ежедневно и что стало невероятно обыденным; когда я выигрывал, я чувствовал себя счастливым, но в любом случае это удовлетворение было полно равнодушия, поскольку даже я уже не знал точно, чем я занимался, по какой причине я посвящал столько времени спорту и что я действительно пытался доказать.

Адриан: Доказать? Человек занимается спортом, потому что он получает удовольствие от этого, а не для того, чтобы что-то доказать, а если он хочет это сделать, то именно потому, что ему нравится то, что он делает и...

Бруно: Хватит этих словесных игр, я сегодня в подавленном состоянии. К тому же, повторяю, я уже осознаю, что стал подобен моряку, который продолжает каждый день отплывать на рыбалку и который постоянно находится в плавании, хотя уже потерял ту любовь, что испытывал к морю; и ему уже даже не удаётся ощущать на своей коже дуновение океанского ветра (пауза, Бруно прохаживается задумчиво).

Адриан: И подумать только... ты любил спорт больше, чем я... Мне всегда нравилось заниматься лёгкой атлетикой, но я никогда не мог гордиться той страстью, с которой соревновался ты. Тебе это не кажется почти ироничным?

Бруно: И всё же, теперь я “изменился” в некотором смысле.

Адриан: Ты думаешь? Гениальный человек не становится тупым в одночасье. Честно говоря, твои принципы, твой образ мышления всегда были такими же. Было бы неправдоподобно утверждать, что они изменились; я знаю тебя давно и позволяю себе сделать такое заявление. Ты никогда не был из тех людей, которые сегодня верят во что-то одно, а на следующий день в совершенно противоположное.

Бруно: Наверное. Я думаю, невозможно изменить мой способ мышления; как ты сказал, мы оба знаем, что я не перестал верить в то, во что верил раньше. Однако что-то во мне изменилось. Где-то, видимо, я сдался. Потому что Бруно несколько месяцев назад был гораздо более реальным и аутентичным, чем тот, который сейчас, здесь, перед тобой.

Адриан: Что-то в тебе дало слабину. Другими словами, это означает, что ты позволил своим мечтам постепенно угаснуть и всё больше отдалился от них, не

так ли?

Бруно: Что-то в этом роде. Я сдался, я пожертвовал чем-то, что было важно для меня, чем-то, что действительно имело для меня значение. Я отказался от своей мечты и приспособился (*размышляет про себя, создавая впечатление, что он всё больше запутывается*). Мечта, что означает иметь мечту? Есть ли место мечтам в нашем нынешнем обществе, которое все так жаждут? Если открыть словарь, вероятно, мечта толкуется как надежда или тщетное и несостоятельное желание; “нельзя жить мечтами” — типичная фраза, которой общество тычет в лицо, не так ли? Мечта трактуется как фантазия, как страстное желание. Однако нужно прояснить, что это совсем не то, на что мы ссылаемся, когда говорим о мечте; для нас мечта это что-то более осязаемое, настоящее... это такой вид стремления, желание преследовать идеал, конкретизировать и материализовать наш образ мыслей, не идти на компромиссы, не отступать... И когда кто-то отступает, во имя чего он это делает? Потому что когда кто-то отказывается от своих мечтаний, он отдаёт часть себя банальности и конформизму этого мира. Иными словами, теряет часть своей свободы.

Адриан: И когда кто-то отступает... во имя чего он это делает, спрашиваешь ты? Вопрос вопросов! На такой вопрос ответить нелегко. Может быть, во имя более простой жизни, где меньше осложнений, меньше внутреннего гонения; или, может, просто чтобы избежать формулирования слишком большого количества вопросов. Термины “принять” или “приспособиться” говорят всё за себя: приспособиться значит перестать задавать себе вопросы, перестать противостоять. Тебе так не кажется? Я не утверждаю, что существует такой чистый путь, и что если человек его выбирает, он автоматически превращается в избранного, индивида, который выше других; потому что все пути отчасти гнилы, все, неизбежно все, с первого до последнего. Мы лишь пытаемся разгадать и определить, какой из них чуть лучше, а какой — чуть хуже. Речь идёт всего лишь о том, чтобы найти убедительный путь и всегда пытаться двигаться вперёд и по возможности совершенствовать его. Совершенствовать самого себя и в тоже время совершенствовать общество.

Бруно: (*гуляет, размышляет*): Итак, в конце концов, ты утверждаешь, что существует огромная разница между тем, чтобы профессионально заниматься спортом, что мы и делали несколько месяцев назад, и тем, чтобы устроиться на работу в компанию по производству спортивного оборудования? (*озадаченный*)

Адриан: Нет, не утверждаю. Между тем, чтобы заниматься спортом ради зарплаты, и тем, чтобы работать в спортивной компании с той же целью, по моему мнению, нет какой-то глубинной разницы. Если мы рассматриваем лишь сами занятия, они оба крайне несущественны и незначительны; я думаю, мы оба осознаем, что невозможно изменить и усовершенствовать мир лишь с помощью спорта или продажи спортивных машин, и то, что на самом деле важно — это скорее то, насколько человек готов сдаться, “подвергнуться коррупции”, или наоборот, удаётся ли ему что-то донести через свою деятельность, как мы пытались сделать это с помощью спорта. (продолжительная пауза)

Бруно: Может быть, в эти мгновения причина, по которой я переживаю моменты скорби и тревоги, кроется не только в том, что я перестал соревноваться и согласился на серую, статичную и рутинную работу. Скорее всего, причина в том, что мало-помалу я чувствую, что с каждым разом я всё больше отступаю от своих идеалов и уже неспособен продолжать бороться за них, как бы я твёрдо в них не верил.

Адриан: Да... я полагаю, что мечте о том, чтобы оставаться как можно более свободным и «чистым», которую ты раньше разделял со мной, теперь становится всё труднее следовать, неважно, чем конкретно ты занимаешься. Кажется, что ты потерял тот самый дух, с которым нужно подходить к своей жизни. Неужели ты просто не можешь откопать его и переосмыслить?

Бруно: Понятия не имею, просто с каждой минутой я чувствую себя всё более обеспокоенным и, главное, растерянным. Крайне растерянным. Когда ты уже не в состоянии продолжать то, во что веришь, ты как будто начинаешь ограничивать себя в выживании, жить аморфной жизнью, и это меня пугает. Разве я хочу этого? Неужели у меня больше нет сил, чтобы продолжать что-либо?

Адриан: Я бы очень хотел помочь тебе, потому что эта нынешняя пассивность, которая проникает в тебя, приведёт к тому, что ты будешь принимать всё больше и больше гнили, идти на компромисс с самим собой, с другими людьми и быть всё более и более лицемерным, если представится случай. И лицемерно забудешь или сделаешь вид, что забыл о своих прошлых идеалах, которые когда-то требовали от тебя определённого поведения, независимо от того, чем ты занимаешься. (пауза)

Бруно: Видишь ли, Адриан, я просто задаю себе вопрос, в какой момент наших жизней мы были более, так скажем, честными и преданными нашим идеалам, менее лицемерными. (рассуждает).

Адриан: Что касается меня, то я могу воссоздать в точности, какие пределы гнилости я могу терпеть и принимать. В то время как для тебя я уже даже не знаю; если бы ты задал мне этот вопрос несколько месяцев назад, я бы без сомнения знал, что тебе ответить, но сейчас я уже не могу. Передо мной абсолютно другой человек, который в себя уже не верит... или который просто решил забыть о себе.

Бруно: Забыться и стать таким, как другие, одним из многих, не так ли? Разве это не одно из зол нашего цивилизованного мира — стремление как можно сильнее забыть о собственной личности, о том, кем ты являешься на самом деле, и позволить своим ценностям со временем угаснуть? И, опять же, во имя чего?

Адриан: На данный момент, я думаю, ты это знаешь лучше меня (пауза). И что ты теперь собираешься делать?

Бруно: (смеётся, удручённый) Я допускаю, что теперь моряк будет продолжать выплывать на своей лодке ловить рыбу каждый день; но теперь, равнодушный ко всему, он даже не осознаёт, что плывёт уже не по открытому морю, а по гниющему бассейну... И он будет, где бы он ни находился, позволять стрелкам часов двигаться вперёд, а затем, ни разу не сожалея, плыть по тем же водам на следующий день, пока в один неопределённый момент не наступит физическая смерть и не положит таким образом конец его бесполезности (пауза). В любом случае, давай забудем о том, куда меня ведёт этот путь. Я чувствую, что мои слова становятся всё более удручающими, более жалкими... Так Расскажи мне о себе, как ты думаешь, что принесёт тебе будущее?

Адриан: Сложно сказать... Я никогда не был из тех людей, которые всё планируют слишком заранее, я больше из тех, кто оставляет двери открытыми тому, что может предложить жизнь, тому, что может заинтересовать меня и пробудить любопытство. Ты прекрасно знаешь, я не филантроп и в некоторой степени я человек тоже эгоистичный и эгоцентричный, как и все; в конце концов, я лишь стараюсь продвигать некоторые этические ценности, которые защищаю. Этого мало? Может быть, да, не так уж и много. Я мог бы приложить усилия, чтобы добиться гораздо большего в жизни. Тем не менее, осознание того, что я, насколько это возможно, являюсь этичным и последовательным человеком,

делает меня, в определённой мере, счастливым и удовлетворённым, и я не позволю этому угаснуть... никогда. За всю жизнь...

Бруно: Твоё стремление, конечно, скромное, так скажем, но отнюдь не бесполезное. Разумеется, в какой-то момент моей жизни и у меня оно было. Следовать по этому пути, однако, дело тяжёлое, и именно поэтому в мире масса людей, похожих на подарочную обёртку с бантиком. Кроме того, следовать за этим твоим стремлением быть этичным человеком, человеком принципа... стремлением? осуществимой мечтой? как ты хочешь, чтоб я это называл? ...в определённых случаях делает твою жизнь излишне замысловатой. У человека с мечтами вряд ли есть будущее, и рано или поздно всё заканчивается тем, что он гаснет, он сдаётся и отрекается от всего.

Сцена четвёртая

Марина: Точно, Бруно, бесполезно придумывать себе головные боли, когда всё могло бы быть невероятно просто, и более того, достаточно для того, чтобы сделать нас счастливыми. Доброй ночи.

Бруно: Доброй ночи.

Марина: Ты не согласен? **(Адриану)** Ты просто для примера мог бы взять своего друга, здесь и сегодня, ты бы упростил себе жизнь; в конце концов, жизнь создана для того, чтобы посвящать себя занятиям, которые тебя увлекают и благодаря которым ты наслаждаешься и чувствуешь себя счастливым; она не создана для того, чтобы страдать и проводить день в горечи, как ты часто это делаешь, Адриан! **(пауза)**

Адриан: Ты подслушивала, Марина? Не так ли? **(саркастично)**

Марина: **(невозмутимо)** Иногда нужно уметь идти на компромисс. Жизнь в сущности тоже соткана из него, и ты миришься с этим просто из-за удобства; более того, именно поэтому мы не станем ни монстрами, ни аморальными людьми, а скорее людьми практичными.

Бруно: Кто знает, Адриан! Возможно, в прошлом мы были слишком бескомпромиссными, и существует много других способов продвигать свои собственные мечты и чувствовать себя умиротворённо, без необходимости быть слишком непримиримым, не думаешь? **(говоря ложь лицемерным голосом)** А может быть, на самом деле, я ищу лишь бесконечные оправдания, которые смягчают обстоятельства...

Марина: (не обращая ни на кого внимания) Непримирымый... (смеётся одна)... Мой несчастный сын, из-за своей неуступчивости практически во всём, превратился в своего рода религиозного человека, который думает только о непримиримости, самоотречении и искуплении. Словно он и не хотел бы быть счастливым и сам лишал бы себя счастья, которое ему предлагают. Адриан страдает синдромом страха перед счастьем. Страннейшая в мире вещь! Я ведь никогда в жизни не слыхала, чтобы кто-то не желал быть счастливым, однако он, похоже не желает! Эх, Бруно... (смотря на него) помоги мне сделать так, чтобы он понял эту концепцию. (Бруно сохраняет молчание).

Нет причин проводить всю свою жизнь в воздержании; не в том смысл жизни. Во всех сферах можно сделать исключения, чтобы не позволить горю сокрушить тебя. Мы все, хоть частично, но читали Библию и в общих чертах знакомы с её содержанием, но это совсем не значит, что мы должны следовать всему, что там написано. Скорее, нужно воспринимать её как общую руководящую директиву и следовать ей по возможности, но если в определённых ситуациях опереться на неё будет невозможно, нужно жить с этим.

Бруно: Воздержитесь от таких слов, Марина, ваш сын не хочет этого понимать (серьёзно). А что касается меня, боюсь, я уже слишком хорошо понял, на что намекают ваши речи и каковы ваши жизненные стремления (Марина расстроена).

Марина: (Бруно) А то, что он не желает понимать моих советов, меня не касается. Однако мой долг — дать ему понять, что так продолжаться не может. Ему придётся изловчиться, чтобы осознать, насколько удобнее быть чуть более практичным человеком и в то же время более счастливым и беззаботным. Как ты, Бруно.

Бруно: Однако в этом вы преувеличиваете. Адриан не такой абстрактный и неземной человек, как вы сейчас пытаетесь преподнести. Он тоже очень практичный человек и, возможно, иногда слишком практичный. Только обратите внимание на тот факт, что он работает здесь, учится в университете, что он занимался спортом и многими другими вполне осязаемыми вещами. Я не думаю, что его можно считать абстрактной и, вдобавок, подавленной личностью, как вы утверждаете.

Марина: Я имела в виду другой тип практичности. То есть такой, при котором ты справляешься с жизненными проблемами, не вдаваясь в бесконечные размышления о том, как ты взаимодействуешь со своими мечтами, своим расположением духа или другими людьми. Мой сын, например, нетерпим ко всем, он ограничен в своих взглядах, существует только он сам и никто другой! (Пауза, они некоторое время молчат. Затем обращается к Адриану) Сделай мне одолжение, позвони в пиццерию напротив и закажи пиццу на вынос. Мне наскучили эти банальные разговоры (с превосходством, раздражённо). Будет уместным сделать перерыв и попытаться отвлечься (высовывается посмотреть, открыта ли ещё пиццерия). Да, похоже, что она ещё не закрылась. (Адриан разговаривает по телефону, после чего Марина возобновляет разговор, она непоколебима)

Так вот, Адриан, тебе следует брать пример с меня, которая наслаждается жизнью, которая пытается использовать каждый момент по максимуму вместо того, чтобы растрачивать бесконечное количество возможностей, отказываясь от рабочих предложений, новой дружбы и всего прочего, как ты. А в итоге что? Ты проводишь весь день с хмурым взглядом. Я до дрожи боюсь смерти, а точнее, я уважаю её, потому что мне нравится эта жизнь, я её обожаю и хочу дожить как минимум до девяноста лет, посвящая себя тому, что больше всего меня увлекает, и позволяя себе следовать инстинктам.

Бруно: Вы снова преувеличиваете! Ваш сын тоже счастлив, просто он этого не показывает, он ничего не показывает. Он не экспрессивен, не эмоционален, он не тот, кто изливает душу. Он — ваша противоположность, он всегда себя сдерживает. Но это не означает, что в определённые моменты он тоже может чувствовать себя счастливым. Может быть, причины его счастья отличаются от ваших (смотрит на Адриана, улыбаясь, затем качает головой). Честно, я даже не осмелюсь сказать, кто из вас двоих более замкнут и упрям. (Адриан кажется безразличным к этому диалогу. Такое чувство, что он это всё уже знает наизусть. Затем все трое погружаются в молчание, смотрят в разные стороны и ждут, пока им принесут пиццу.)

Сцена пятая

Доставщик: Вот ваша пицца.

(Марина вежливо забирает коробку с пиццей, затем достаёт кошелёк, чтобы заплатить; в это время доставщик сияет от счастья, чуть ли не подпрыгивает на месте, он в эйфории; Марина уделяет ему особое внимание, она заинтригована)
Марина: Вот, пожалуйста. (Доставщик улыбается)

Доставщик: Прошу прощения за свою радость, но этой ночью я чувствую себя словно в эйфории. Вам правда неинтересно узнать, почему я себя так чувствую, и разделить со мною это счастье?

Адриан: (говоря ложь трезвым тоном) Может быть, в будущем. Сегодня был долгий и болезненный день для нашей семьи. Сегодня у нас день скорби и нам бы очень хотелось немного спокойствия. Умоляем вас понять и освободить нас от своего...

Марина: (обращаясь к Бруно) Ты видишь это? Ты серьёзно не понимаешь, что его уровень толерантности почти равен нулю? И что есть только он один на этом свете и больше никого? Он не хочет рисковать, ведь счастье других может отразиться и на нём. Это определённо синдром страха перед счастьем!

(размахивая рукой, делает выговор своему сыну, затем направляется к доставщику). Расскажите нам, пожалуйста, что с вами произошло за последнее время, что вы в таком хорошем настроении? Поверьте мне, мы все заинтригованы, и нам бы очень хотелось услышать подробности... (доставщик оживляется)

Доставщик: Так вот, я чувствую себя так, потому что завтра — понедельник, день моего выпускного, и после этого я наконец-то смогу начать работать психологом! И иметь возможность гордиться тем, что у тебя есть диплом из университета — это что-то потрясающее! (он воодушевлён) А вы знали, что выпускники зарабатывают на сорок процентов больше?

Марина: Ах! Мы так рады за вас! Поздравляем вас от всего сердца! (аплодирует)

Доставщик: Вы не поймите меня неправильно: моя нынешняя работа приносит мне удовольствие; я уже много лет работаю в пиццерии напротив, и она потрясающая. Там каждую неделю готовят блюда, слегка отличающиеся от тех, которые были на прошлой неделе. Тем более, я там всех знаю и уже обзавёлся своим кругом друзей и знакомых.. Поэтому...

Марина: Поэтому... (подбадривает его)

Доставщик: Итак, теперь, когда я наконец смогу заниматься профессиональной деятельностью в качестве психолога, я буду делать это одновременно с моей

другой работой. Это означает, что, независимо от происходящего, я всё равно продолжу работать в пиццерии несколько дней в неделю. И не потому что я обязан это делать, а потому что я действительно хочу, чтобы было так! Ах, но сейчас возможность гордиться тем, что у тебя есть диплом — это... совершенно другое дело. Передо мной открываются новые горизонты. Поверьте мне, даже когда вы идёте в сортир, есть разница, с дипломом вы или без! (улыбается, чрезмерно высокомерно).

Марина: Без сомнения, наличие университетского диплома — это важное достижение. Хотя это довольно распространено, оно всё же выделяет тебя среди тех, кто не имеет диплома. На мой взгляд, такие люди даже не достойны называться “индивидами”.

Доставщик: Благодарю вас! (пауза) И к слову, насчёт вашего сына, не переживайте о его страхе быть счастливым, вот увидите, всё решится... шаг за шагом всё будет налаживаться, не бойтесь! Потихоньку!...

Марина: Ну-ну! (надменно, считая это невозможным)

Доставщик: Нет, не позволяйте пессимизму овладеть вами. Всё как-нибудь разрешится (пауза, размышляет). А пока разрешите мне уточнить: то, что вы назвали “синдромом страха перед счастьем”, для нас, экспертов, является не чем иным, как психическим состоянием под названием херофобия — иррациональная боязнь радости. А херофобы — это все те люди, которые, боясь испытать приятные эмоции, более или менее сознательно (бросает взгляд на Адриана), принимают саморазрушительное поведение, чтобы защитить себя (пауза. Затем, возобновляя речь, он делает жест руками, как будто для того, чтобы сделать своё объяснение как можно более прозаичным). На практике, эмоции, обычно считающиеся положительными, переживаются херофобами как момент крайней уязвимости. Вы меня понимаете? Имейте терпение и, прежде всего, веру. А теперь спокойной ночи (радостно прощается и поспешно покидает приёмную).

Сцена шестая

Марина: Поскольку уже поздно (должно быть, половина двенадцатого), я предпочту удалиться наверх, чтобы отведать свою пиццу, а вам, молодые люди, предоставлю привилегию побеседовать наедине, без моего давящего присутствия (пауза). А ещё потому, что разговаривать с тобой (Адриану) крайне

бесполезно, поэтому было бы почти бессмысленно оставаться здесь.

(размышляет) Кроме того, разговоры, в большинстве случаев, не имеют особого смысла, потому что состоят из слов и ничего больше, в то время как единственное, что имеет значение, это факты — как человеку удаётся жить. Вести диалоги на серьёзные темы практически напрасное занятие: слова не практичны.

Адриан: Спокойной ночи!

Бруно: Спокойной ночи, было приятно поговорить с вами! (Марина подходит к Бруно, прощаясь, целует его в щёку, затем уходит с равнодушным видом)

Бруно: Итак, слова непрактичны? (потрясённый)

Адриан: Я, по крайней мере, расцениваю их как практичные в некотором смысле, потому что именно они определяют человека, вырисовывают его образ мыслей, его характер и дают тебе возможность представить, в числе различных вариантов, какого поведения ожидать от личности, с которой у тебя был долгий разговор. На мой взгляд, слова — это точка опоры, а точнее — отправная точка людей. Что касается остального, практической стороны — то есть формы поведения человека, о которой только что говорила моя мама, — боюсь, что это не вызывает у меня никакого интереса, всё это мне безразлично, ну или почти безразлично. Это что-то дополнительное, не более того.

Бруно: Значит, ты воспринимаешь людей как слова? Или как бы ты их определил?

Адриан: Что-то в этом роде, слова или мысли (которые иногда, к сожалению, приходится применять на практике), или множество углов, под которыми ты видишь жизнь, под которыми её интерпретируешь,ходишь к ней.

Практическая часть, по моему мнению, это, напротив, что-то ограниченное. И хотя я и понимаю, что мне не удаётся быть человеком чрезвычайно абстрактным в любое время дня и ночи, я признаю, что больше предпочитаю абстрактную практичность слов, нежели практичность фактов и обстоятельств

(продолжительная пауза, затем возвращается к обращению).

Если бы, например, мне нужно было познакомиться с человеком, я обстоятельно бы с ним поговорил; я бы даже позволил этому человеку самому выбрать тему разговора, будь она поверхностной или глубокой, это совершенно неважно. Слушая его высказывания, я бы попытался обратить максимум внимания на то, как выражается этот человек, какие термины использует, и со временем

постарался бы отследить его противоречия, какие моменты больше всего сбивают его с толку, и прежде всего, я бы стремился понять, что для него значит жизнь. Это самое важное, что нужно открыть в человеке, не так ли?

Бруно: Я согласен с тем, что ты говоришь (пауза). Действительно, как ты и отмечал, наблюдение за комиксом, отражающим то, чем человек занимается в своей повседневной жизни, не так исчерпывающе, как если бы нам был раскрыт его ход мыслей. Человек может вести себя определённым образом в определённых ситуациях, но нам всегда будет недоставать некоторых деталей о том, почему он поступил именно так. Напротив, его образ мышления, если нам удастся его обнаружить, представляет собой нечто гораздо более теоретическое, абстрактное и в то же время осязаемое (пауза). А сейчас, в любом случае, я лучше оставлю тебя с твоей работой. Я попробую заснуть и постараюсь примириться со своим новым “я”, без мечтаний.

Адриан: Удачи! (улыбается, у него сонный вид).

Сцена седьмая

(Кивая головой, Адриан здоровается с Элунэй, которая приближается к нему)

Элунэй: Единственное приятное в этой ночи то, что в нашем маленьком городе сегодня царит покой — несмотря на то, что сейчас лето, и иногда в это время улицы заполняются празднующими людьми. Не здорово ли? Не навевают ли на тебя умиротворение эти пустынные улицы? (она хватает его за руку и тащит в холл отеля) Посмотри, ни души...

Адриан: Конечно, вызывают умиротворение, так же как и у тебя. Но прежде всего, я рад тебя видеть, иметь возможность пообщаться с тобой, потому что ты лучше, чем всё, что меня окружает. Твоя дружба так дорога мне, наверное, она мне дороже всего на свете. Что насчёт улиц, то отсутствие проходящих там людей вызывает у меня не только умиротворение — в том плане, что меня никто не беспокоит, — но и беспокойство, чувство глубокого отчаяния, если быть честным (растерянный).

Элунэй: Пустота обескураживает тебя? Длинный и пустынный проспект, усаженный деревьями, вызывает у тебя беспокойство? (смеётся саркастически)

Адриан: Ты всё смеёшься, Элунэй... Твои слова полны насмешек, но по правде, ты ведь чувствуешь то же самое, что и я; может быть, твоя боль даже ещё глубже

моей. И единственное, чего тебе бы хотелось, это забыть, стереть себя, отстраниться от всего... больше не быть частью чего-либо, кого-либо...

Элунэй: (снова говорит более приземлённо и искренне) К несчастью, это так. В какой-то момент жизни человек даже может обольщаться и думать, что пустынный проспект это спасение. Ты просыпаешься посреди ночи, в спешке выходишь из дома и начинаешь бежать по пустынным улицам нашего города, создавая себе иллюзию, что в эти мгновения своего жалкого существования ты чувствуешь себя свободным, наконец-то свободным от всего этого мира, от любых обязательств, от любых навязываний, от любого лицемерия. Ты чувствуешь себя первым и последним человеком на Земле, как если бы никого больше не существовало, когда на самом деле это лишь очень мимолётное мгновение фиктивной свободы — часть иллюзии; потому что мы прекрасно понимаем, что мы свободно бегали не по проспектам города, а по ночным коридорам дурдома — где в это время каждый пациент заперт в своей собственной палате (смеётся, грустная). Дурацкий пример, во всяком случае, ведь этих дурдомов уже нет.

Адриан: Не переживай, ведь по большому счёту дурдомы всё ещё существуют, просто в наше время носят другое замаскированное наименование: психбольницы. Вот так это сейчас называется, не так ли? Это как военное министерство, которое со временем превратилось в министерство обороны (пауза).

Кажется, что когда мы добиваемся изменения названия, это может считаться достижением, и, в конце концов, я даже могу принять, что люди радуются этому дипломатическому успеху как цели самой по себе. Однако если они гордятся тем, что, изменив внешность, наконец-то открыли двери в современность, у меня возникает чувство, что я чего-то не понимаю. Это лишь напоминает мне о том, что человечество достигло апогея своей нелепости. Для меня это не что иное, как современность с тонкими картонными стенами, за которыми в основном скрываются примитивные существа, самонадеянные в том, что называют себя современными людьми.

(Оба садятся за стойку регистрации)

Элунэй: До сколько ты собираешься работать?

Адриан: Я буду здесь до шести утра.

Элунэй: Тогда у нас будет время пообщаться... (печально смеётся. Адриан кивает и кладёт голову на стойку регистрации)

Адриан: Так вот, давай вернёмся к нам и к нашим разговорам... В конце концов, когда нам ещё говорить, если не сейчас?

Элунэй: Верно. Видишь ли, Адриан (с порывом), сейчас мне двадцать три; раньше было много вещей, которые меня путали и сбивали с толку, я совсем не могла разобраться в своих мыслях; хотя в последнее время у меня такое впечатление, что я пришла к очень объективному и разумному выводу: в городе все ходят одинаково и единственное, чего хотят инвалиды, так это ходить, точно так же, как мы.

Адриан: Идиотка (трясёт головой, затем оба смеются).

Элунэй: Пример глупый, но у меня хорошее настроение, и вероятность того, что оно будет другим, когда я рядом с тобой, слишком мала. Кроме того, я вовсе не собираюсь строить из себя философа, чтобы объяснить тебе совершенно простой концепт. Я настаиваю, что самое трагичное в людях — это то, как они ходят (Адриан пытается сдержать смех, но не может); итак, давай сейчас рассмотрим походки людей: некоторые ходят слегка сгорбившись, некоторые нет, кто-то идёт быстрым шагом, а кто-то нет, кто-то несёт продуктовые сумки, кто-то идёт с роскошными сумочками, некоторые шагают по-бунтарски, некоторые более пассивно, выразительно или томно... Масса вариантов, правда? Все с едва заметными различиями. Впрочем, проблема в том, что все эти варианты уже определены и предопределены. Когда мы уже начнём разрушать эту рутину каталогизирования и классификации? Гипотеза о том, что может существовать по-настоящему новая походка, почти никогда не учитывается, не так ли? Человек с новой походкой просто бы превратился в невидимку. К нему бы относились, словно к тени, к привидению, на него не обращали бы внимания, а если бы он всё-таки настойчиво пытался выделиться, его бы сразу же отвезли в дурдом, о котором мы говорили недавно, и они приняли бы превентивные меры для того, чтобы он не повлиял никоим образом на общество (хватает его за руку и трясёт). Говоря о сумасшедших, во всяком случае, большого удовлетворения мы также не испытаем, потому что в их кругу существует тот же самый недостаток инновации. Если бы мог существовать на земле дурдом сумасшедших инноваторов, это бы, по крайней мере, привело к изменениям, но у меня такое чувство, что они упрямо продолжают вести себя согласно руководящим принципам справочника под

названием “Подробное пособие по тому, как стать сумасшедшим”; если бы время от времени нам удавалось встретить сумасшедшего инноватора, может быть, мы как минимум стряхнули бы с себя эту надоедливую скуку, которая поселилась во всём нашем цивилизованном мире (Адриан слушает). И к сожалению, это именно то, что происходит сейчас со мной в университете. Как ты знаешь, я учусь на последнем курсе юридического факультета и пишу диплом; преподаватели постоянно подталкивают нас написать инновационный диплом, в котором было бы что-то новое, что-то “личное”. Тем не менее, нас не просят быть ин-но-ва-то-ра-ми в буквальном смысле этого слова, скорее, нас призывают быть инноваторами внутри инновационной сферы — коробки с этой этикеткой. Далее, нечего и говорить, что те, кто способен следовать этому пути, конечно, могут позволить себе мечтать об успехе и признании во всём мире. Если человек жаждет добиться успеха или, проще говоря, быть оценённым, я боюсь, для него не существует других способов.

Адриан: Мечтать чужую мечту, ту, которую общество уже пометило ярлыком и ту, о которой предложило мечтать. Разве это не заманчивая перспектива?

(комментирует с иронией). И всё же, тысячи людей благодарны за то, что это так. Каким извращённым и непонятым бы это ни казалось, многим нравится быть обманутыми: так они живут иллюзией, что они новаторы, что у них есть мечты, когда на самом деле это не их собственные мечты, а они — кто угодно, только не новаторы.

Элунэй: Да, как-то так (пауза). А я не хочу мечтать чужую мечту, я не чувствую потребности в том, чтобы общество показывало мне каталог предлагаемых мечтаний и заставляло выбирать одно из них. Я хочу мечтать свои собственные мечты и ничьи больше. Также, помимо того, что это чужие мечты, — как ты справедливо заметил, их даже трудно назвать мечтами. (пауза, затем притворяется, что листает невидимый каталог) Открываешь каталог, просматриваешь его вскользь: “А вы случайным образом не мечтаете открыть кафе-мороженое? (смотрит ему в глаза, насмехаясь над ним) Запишитесь на курс и получите лекции по гостиничному делу. Или, может, желаете заняться благотворительностью? Идите сюда, мы тут же научим вас, как это всё сделать, и поскольку вы за этим и пришли, мы сделаем всё возможное, чтобы поглумиться над вами. Мы вам это гарантируем! А также мы вам гарантируем, прежде всего,

уважаемый гражданин, а не просто человек, что, принимая участие в этом проекте, вы почувствуете себя удовлетворённым до того, как умрёте”.

Адриан: Точно, но также нужно признать, что если люди мечтают именно эту мечту, чтобы быть высмеянными, мы не можем пытаться повлиять на них и заставить их быть нами — приверженцами индивидуализма, которые не хотят чувствовать себя частью чего-либо и не хотят, чтобы на них навешивали ярлыки. Мы опустимся до полного абсурда, если попробуем переубедить их, поскольку именно они сделали этот выбор.

Элунэй: Думаешь, они действительно настолько сознательны?

Адриан: Да, я думаю да, они сознательны. Или вернее, они проявляют осознанность, когда им это наиболее выгодно. В противном случае они притворяются, что не осознают этого, и продолжают упорно посвящать себя жизни, полной искажений и абсолютного лицемерия. Так им удобнее.

Элунэй: В любом случае, суть проблемы не в том, можешь ты или нет игнорировать тех людей, которые хотят, чтобы им предложили каталог со списком мечтаний. Вопрос заключается в том, что если бы ты не был тем, кто к ним обратился, то тогда они были бы теми, кто пошёл бы тебя искать, где бы ты ни пытался отсидеться, чтобы обратить тебя в свою веру, и не обольщайся — покоя они тебе не дадут! Тебе, как и всем остальным, неизбежно предложат каталог. И что же тогда ты будешь отвечать?

Адриан: Я постараюсь оказать сопротивление, полагаю.

Элунэй: По какой причине? В чём польза?

Адриан: Возможно, ни в чём, но это не отменяет того, что у меня есть сознание. И тот факт, что у меня совсем мало надежд, не означает, что я сдался. Напротив, это две совершенно разные вещи.

(Адриан встаёт, начинает идти, затем останавливается и смотрит на Элунэй, которая возобновляет разговор).

Элунэй: Видишь ли, у меня действительно такое впечатление, что с ранних лет делают всё возможное, чтобы приучить нас к неясности, и чтобы найти искусство, способное превратить любую прозрачную вещь в нечто, окутанное густым туманом, и что корень всей проблемы — в этом постоянном и безудержном желании неясности. С другой стороны, если бы этого не хватало, то нельзя было бы похвастаться чувством уверенности в себе: эта уверенность в том, что всегда можно найти выход, внезапно потерпела бы неудачу, в какой бы ситуации ты ни

оказался (пауза). Подумай только об образовании, о правилах вежливости. На первый взгляд они могут показаться пустяками, но наша цивилизация живёт этими понятиями каждый день. Почему, если мне задают вопрос или что-то предлагают, то предпочтительно ответить “да”, просто из чувства такта или, точнее, из вежливости? Почему я не могу ответить правду человеку на смертном одре? Неужели они настолько хотят умереть в спокойствии вместо того, чтобы узнать, чего на самом деле стоят люди вокруг них? Неужели они настолько жаждут завоевать, купить себе счастье, которого не существует? Неужели они так стремятся, чтобы люди их не обижали? Если бы мы все были прозрачными, прямыми, нелицемерными, боюсь, нам бы и в голову не пришло придумывать вежливость. Однако сегодня она считается отличительным знаком, обозначающим развитое общество, чуткое к этим тонкостям, ах да! Мы теперь стали утончёнными, вернее, эволюционировавшими людьми...(качает головой) Они даже книги пишут на эту тему, проводят подробные исследования и публикуют свои выводы. Почти жаль, что мы не изучали лингвистику, поскольку одна из её ветвей взяла на себя задачу исследовать, в какой степени этим коробочным личностям удаётся украсить себя, обманываясь вежливостью. Именно она, язык и слова — я подозреваю, что это не более чем изысканная уловка, придуманная для того, чтобы облегчить этот чрезвычайно тонкий маневр обмана друг друга... Теперь я просто задаюсь вопросом, во имя чего мы позволяем себе так много лгать друг другу, и по какой причине нам так приятно относиться друг к другу таким образом? Неужели мы так боимся быть собой?

Адриан: Конечно, несоизмеримый страх. Когда тебе предлагают быть самим собой в определённом контексте (при условии, что тебе уже подсказали, какой должна быть твоя личность), каждый хочет быть таким. В других контекстах нет, лучше не пытаться (пауза). Слушая, как ты говоришь на эти темы, я недавно вспомнил о новом напарнике на работе. Он тоже работает в этом отеле, вот уже несколько недель. С самого начала было ясно, что он хотел узнать меня, так как он пытался инициировать разговор со мной.

Узнать меня — это всего лишь выражение, потому что на самом деле он не хотел меня узнать ни глубоко, ни поверхностно; в самый раз для того, чтобы быть хорошими напарниками. Хотя в сущности мы легко можем быть ими, зная минимум друг о друге; самое важное — не беспокоить друг друга. Но оставим это в стороне. Он спросил моё имя, сколько мне лет — вопросы, на которые мне бы

хотелось ответить “я забыл”, — после чего, помню, начал отмечать, что он обожает кино. И первые вопросы, которые он сформулировал по этой теме, были следующими: “Какие твои любимые фильмы?”, “Какой жанр тебе нравится?” — и я, который по глупости проявил нетерпение, ответил ему тем не менее спокойным тоном: “Неужели ты не можешь задать вопрос, не будучи таким прямолинейным?”, он мне ответил что-то вроде: “Узнав, пусть даже смутно, что тебе нравится, я бы смог понять, что ты за человек”, понимаешь? Элунэй, я понимаю, что это незначительный пример, но я привёл его для того, чтобы ты поняла, что мой напарник вовсе не желает знать моего образа мышления (который он мог бы даже попытаться выяснить, говоря со мной о кино). Что его интересует больше — так это классифицировать меня и знать, к какой группе я принадлежу. А кто я на самом деле, почти никого не интересует.

Элунэй: Было очевидно, что он тебе так ответит. Наверное, на твоём месте я бы тоже проявила нетерпение, потому что от постоянного выслушивания одних и тех же вопросов терпение исчерпывает себя. Тем не менее, мы оба знаем, что, в конце концов, бессмысленно проявлять нетерпение, вернее, просить разъяснить, почему они себя так ведут. Это было бы неразумно: от них не стоит ничего ждать.

Адриан: Я знаю, я осознаю это. Нужно было бы держаться как можно дальше, оставлять без внимания то, что тебе говорят, избегать, уклоняться от большинства людей, которые стремятся к такой жизни. Однако, как ты сама заметила ранее, это почти невозможно. Ведь именно они сами приходят, чтобы забрать тебя, где бы ты ни пряталась. Таким образом, моя мечта чувствовать себя свободным, не идти на компромисс, не уступать и не приспособливаться; или твоя мечта о том, чтобы быть самой собой, не жить мечтами других, не чувствовать себя пешкой на шахматной доске, — что будет с твоими мечтами? Всё это превратится в нечто похожее на иллюзии, ты так не думаешь? **(затянувшаяся пауза)** Честно говоря, как ты думаешь, куда ведут тебя твои мечты?

Элунэй: Чем закончатся мои мечты? Неужели будет возможным исполнить их, спросишь ты меня? Что меня ожидает в будущем? **(смеётся)** Мечта о том, чтобы жить будучи самой собой, жить мою жизнь, делать что-то новое и дарить это миру, приведёт меня, я думаю, к путешествию по такой же безлюдной аллее, как эта **(указывает жестом на свою голову)**, которая никогда не приводит к месту назначения, со всеми людьми, что смотрят в стены своих обителей вместо того,

чтобы выглядывать из окон. И хотя я осознаю это, я продолжу двигаться в этом направлении насколько смогу.

Адриан: Всегда надеюсь, что эта чистая аллея действительно является твоей мечтой, а не мечтой другого, и что шредер мечтаний не поглотил и тебя, не дав тебе даже заметить этого.

Элунэй: Вот именно! (пауза) Обескураживающей должна быть иллюзия о том, чтобы быть собой, когда на самом деле ты это не ты и даже не подозреваешь об этом. Я не раз спрашивала себя, кто я на самом деле, каковы мои убеждения. Меня охватывает тревога, когда я начинаю сомневаться в том, что часть меня не реальна, а скорее представляет собой часть, которая была испорчена обществом, приспособилась к нему. Установить точную границу того, какое влияние оно оказало на меня, мне сложно. Надеюсь, наименьшее. (пауза) По поводу убеждений, когда-то одним из них было то, что я бесконечно любила Бруно. Однако за всё время я никогда ему это чётко не говорила. Я не хотела выражать свои чувства с помощью терминов, которые мне предоставляло в распоряжение общество. Как ни прискорбно это признавать, но нас даже учат тому, как правильно любить кого-то; уже существует чёткая система, как следует знакомиться с человеком, испытывать к нему симпатию, любить его, с очень чёткими правилами и условиями. И я не желала использовать однозначный общественный термин, который определяет, какая форма любви к человеку является подходящей, требуемой, предписанной; я хотела освободиться от всего этого и уклониться от этого навязывания: вследствие этого хранила молчание.

(пауза) А Бруно вообще волновало, что я в него влюблена? Ты собираешься заставить меня поверить, что из-за моего молчания он ничего не заметил? Я бы любила его как Бога, если бы он захотел этого, но тогда он не захотел, а теперь будет хотеть этого всё меньше и меньше. С каждым разом Бруно меняется всё больше...

Адриан: Да, я знаю.

Элунэй: Что ты имеешь ввиду? Ты его недавно видел?

Адриан: Да, он недавно заходил (пауза). Скажу тебе, что он был без настроения.

Элунэй: Терпение! Плохое настроение, в конце концов, не так уж и страшно. Со временем это у него пройдёт.

Адриан: Конечно, это вопрос времени, это пройдёт. (пауза) И через несколько лет он нас всех пригласит на свою свадьбу, не думаешь? Всё-таки мы его два лучших друга. Разве он бы мог забыть пригласить нас? (трясёт головой)

Элунэй: Я предпочитаю пребывать в иллюзии, надеясь, что он может о нас забыть. (Элунэй встаёт и начинает ходить) Бруно поразил нас. Признаюсь тебе, что даже сама мысль о нём вызывает во мне некоторое замешательство, странное ощущение, которое мне бы не хотелось испытывать. Это постоянная мысль, которая вертится в моей голове, и как бы я ни хотела, я не могу её прогнать.

Видеть Бруно сейчас мне невыносимо больно. Я не сомневаюсь, однако, что найдётся значительное количество людей, которые порадуются за него и поздравят его с этой переменой. Но это, конечно, никак не поможет облегчить страдание и недовольство нашего друга.

Адриан: Конечно нет. Бруно — умный человек, и это его не ободрит. Безусловно, он будет не рад видеть себя окружённым толпой людей, приветствующих его в этом новом “мире”, в который он вступил; потому что он понимает, что эта перемена символизирует не что иное, как решение отречься от самого себя в пользу чего-то другого, что как раз и заменит его самого. Это чувство не должно быть приятным.

Элунэй: Так и есть. Его ждёт глубокий внутренний конфликт. (пауза) У меня такое впечатление, что в будущем он будет с каждым разом всё более молчаливым, по крайней мере, в нашем присутствии. С остальными, может быть, поступит так же. Наш Бруно, с его личностью, превратится во что-то с каждым разом более несостоятельное, почти несуществующее, и вместо него мы найдём множество маленьких сегментов, содержащих характеристики других людей, а не его самого.

Адриан: Да, он станет человеком молчаливым или, иначе говоря, тем, кто отдаёт предпочтение молчанию, кто отказывается разговаривать; сначала будет тишина, характеризующаяся недоумением, стыдом, разочарованием, вызванная осознанием выбора, который он сделал, потому что никто не заставлял его делать этот выбор. Никто. Это его ответственность и только его. И прежде всего, я полагаю, что ту убеждённость, которую он демонстрировал, ту силу воли, которой он мог гордиться месяцы назад, мы теперь будем видеть всё реже.

Элунэй: Вся ответственность лежит на нём, утверждаешь ты? (пауза, затем сомневающимся тоном) Кто знает, перед сколькими из нас действительно стоит выбор и можем ли мы позволить себе выбирать между тем, чтобы адаптироваться или не адаптироваться. Возможно, выбора “не адаптироваться” в действительности не существует: мы все плывем по одним и тем же водам, и единственный выбор, который мы на самом деле можем совершить, так это до какой степени мы хотим адаптироваться, или же наоборот, до какой степени мы хотим сопротивляться.

Адриан: Конечно; хотя в случае с Бруно я не думаю, что это был выбор подчиниться, к которому он был вынужден прибегнуть, растерянный. Ему двадцать три года, как и тебе. Неужели он бы не смог позволить себе сделать лучший выбор, если бы действительно этого хотел? Разумеется, нет ничего плохого в том, чтобы адаптироваться к тому, что тебе предлагают. Тем не менее, нам кажется странным то, что он по своей собственной воле выбрал именно этот путь. А что же касается нас... нас... (трясёт головой) наша ситуация не так уж и отличается от его: я сейчас временно согласился на эту работу. Ты, в свою очередь, учишься в университете; но мы не довольны тем, что находимся в такой ситуации и уже не можем дожидаться того момента, когда сможем вырваться и заняться чем-то другим. (Элунэй снова садится)

Элунэй: Как думаешь, сколько времени пройдет, прежде чем его совесть начнёт даровать ему покой и он достигнет внутреннего перемирия? Должно быть не просто совсем забыть о собственных мыслях и убеждениях, о том, во что он верил раньше.

Адриан: (сначала молчит) Внутреннее перемирие наступит со временем, пройдут месяцы или, в худшем случае, годы. Однако тот выбор, который он сделал, боюсь, навсегда оставит в нём горьковатое послевкусие, ведь я уверен, что ему тоже ясно: стоит ступить на этот путь, как его ожидания и стремления покинут его. И жизнь без всего этого... на что она похожа? (говорит практически сам с собой, словно ему бы не хотелось услышать ответа)

Элунэй: На жизнь, которая я не уверена, что заслуживает быть прожитой. Таким образом, никогда он не будет чувствовать себя ни реализованным, ни по-настоящему счастливым. (смотрит на потолок, словно если бы тоже говорила сама с собой) Отныне будет нелегко поддерживать отношения с Бруно — человеком, который сделал такой жизненный выбор. Мы будем смотреть в его

глаза с унынием, с непониманием, словно желая найти в себе смелость спросить его: “Почему ты пожертвовал собой?” Хотя я сомневаюсь в том, что мы однажды найдём в себе силы, чтобы задать ему столь прямой вопрос. Более того, возможно, нам даже и неинтересно знать его ответ. Нам неинтересно... нет, дело не в этом... а скорее в том, что на этом этапе нам уже не хватает смелости, потому что мы сами находимся в таком же замешательстве, как и он: мы осознаём, что мы были близкими друзьями человека, который за несколько месяцев окончательно поддался, оставив нас с пустотой внутри, позволив тяжестям неопределённости жизни переполнять нас, огорчать, поражаться.

Адриан: Действительно!.. Я сейчас спрашиваю себя, на чём будет основываться наша дружба в будущем? Мы можем всё так же считать себя его друзьями? Более того, а он вообще захочет считать нас своими друзьями? (пауза) Может быть, да, в начале... Со временем, однако, я полагаю, он будет находить нас каждый раз более несовместимыми с его новым миром, и он сам будет отстраняться (пауза). С моей стороны, напротив, если однажды он случайным образом попросил бы об одолжении, думаю, я бы не отказался, потому что, предполагаю, что у меня всегда сохранится чувство солидарности, чувство привязанности (если это можно так назвать) к нему, во имя прошлых времён, во имя человека, которым он когда-то был, а теперь перестал быть. Но ничего больше, ведь та дружба, которая зиждилась на глубоком восхищении им, на признании, на взаимном уважении, будет полностью утрачена. Я боюсь, что теперь между нами и нашим другом возникла значительная дистанция, которую невозможно преодолеть... (пауза)

Элунэй: Океанская дистанция... (пауза) Бруно ступил на путь, похожий на родительский, это очевидно. Более того, я задаюсь вопросом, в какой степени это был его выбор или в какой степени другим людям из его окружения удалось одержать над ним верх. Поскольку мы оба прекрасно осознаём, что его родители и родственники всегда принимали жалкие попытки убедить его приспособиться, и то, что они типичные предусмотрительные люди, которые планируют всё шаг за шагом и не хотят ничего необычного, что они полностью сдались и ограничиваются тем, что довольствуются выживанием, что они сами обманываются, думая, что у них всё под контролем, имея в руках схему того, какие задачи они должны выполнить в течение суток, тогда как на самом деле они ничего не контролируют: однажды их настигнет смерть. Тогда всей их рутине,

их расписанию, их более-менее формальной одежде, их вежливости, их маленьким планам, их стандартным проектам, которые они осуществляют лишь для того, чтобы разогнать скуку, придёт конец, и на их месте, когда наступит смерть, не останется ничего: пустыня, пустошь, ничего больше (пауза). В конце концов, зная характер родственников Бруно, может быть, именно поэтому мы так им восхищались: ведь ему удалось освободиться от них и выбрать свой собственный индивидуальный путь... Его интеллект выделялся (пауза). В любом случае, в последнее время было заметно, что это была “перемена”, которую он хотел претворить в жизнь; в течение этих недель, месяцев, когда время от времени мы встречались в университете и разговаривали, в его словах я ощущала с каждым разом всё большую склонность к другому берегу; несмотря на это, признаюсь, я не верила, что его крушение однажды может стать чем-то реальным.

Адриан: Во всяком случае, кажется, ты не так удивлена перемене Бруно, как я; очевидно, что у тебя было больше времени на то, чтобы смириться с этим, чтобы подготовиться к этому. Я в свою очередь признаю, что вообще не подозревал об этом. Или, вернее, у меня тоже появилось небольшое сомнение, но я всегда делал всё возможное, чтобы отгонять его. Мне не хотелось верить в то, что этот страх может быть настоящим. Более того, в последние месяцы из-за того, что я в каком-то смысле “был поглощён учёбой и работой”, у меня не было возможности часто с ним видеться. Итак, я ждал здесь, до тех пор пока правда не обрушилась на меня: сегодня вечером Бруно пришёл ко мне, чтобы обо всём этом поговорить и “снять груз с души”. Я предпринял неловкую попытку и умолял его образумиться, вот и всё; в моих глазах его перемена была настолько радикальной, что я даже не знал, как себя вести. Сейчас мне только остаётся хранить болезненное молчание и позволить событиям идти своим чередом, и пусть каждый расположится на том берегу, что для него более притягателен.

Элунэй: У меня тоже не осталось много слов. У меня ощущение, что мне нечего ему сказать: он полностью осознаёт, чего хочет в жизни. Когда я встречалась с ним в последнее время, мне хотелось призвать его эксгумировать самого себя. Более того, мне не терпелось сказать ему, что контракт, который он собирается подписать, не принесёт ему ничего кроме разочарований: исходя из той скудной информации, которую я узнала, у меня сложилось впечатление, что менеджеры этой фирмы — нечестные люди. Но по сути, даже если они все гнилые, что бы это

изменило? Разве это имело бы какое-то значение для нынешнего Бруно или это он бы тоже принял молча? Имело бы смысл попытаться “насторожить” его? Я чувствовала себя глупой, глупой по тысяче причин. Я замолчала, и боюсь, что всегда так и буду молчать. С другой стороны, если он не желает быть собой, разве можем мы его заставить?

Адриан: Нет, конечно нам это не позволено. **(затянувшаяся пауза)** Если бы мне предложили иметь дело с нечестными людьми, сомневаюсь, что я смог бы остаться пассивным. Я вряд ли уступлю, потому что осознаю, что если хоть раз уступлю и приму то, что не соответствует моим убеждениям или что я считаю не совсем честным, я перестану чувствовать себя в гармонии с собой. Со всем осознанием того, насколько запутан и неразрешим наш сегодняшний мир, насколько сложно установить, что является определением “честного” и “нечестного”, какой путь является более чистым, а какой менее, я бы всё-таки попытался максимально приблизиться к истине, к тому, что можно считать наиболее честным путём. В конечном счёте, у меня всегда было безудержное стремление к прозрачности, беспристрастности, объективности. Я уверен, что в той ситуации, в которой пожелал оказаться Бруно, я бы не выдержал ни секунды.

Элунэй: Да, тот факт, что ты бы отнёсся к этому по-другому, нежели нынешний Бруно, неоспорим. **(смеётся слегка)** Как бы низко ты ни ценил наше современное общество, как бы оно тебя ни разочаровывало и ни подавляло, ты, однако, сохранил некий оптимизм, или скорее, желание сражаться за то, чтобы всегда было больше прозрачности. Ты в определённом смысле продолжаешь бороться за неё... Вообще-то, я практически уверена, что ты бы тоже однажды мог оказаться в похожей ситуации, как у Бруно, и если бы ты обнаружил что-то гнилое в компании, на которую работаешь, ты бы отчаянно пытался приложить усилия, чтобы было больше прозрачности, ты бы сделал всё, что в твоих руках, чтобы выйти из этой ситуации чистым. Как бы наше современное общество ни разочаровывало и ни угнетало тебя, ты каким-то образом продолжаешь за него бороться... **(качает головой, смотрит вниз)**. Я, наоборот, с трудом себе представляю, что в будущем окажусь в похожей ситуации, поскольку я гораздо более разочарована и лишена иллюзий, чем ты сейчас. Я уже давно потеряла все свои надежды... и это в будущем приведёт меня к тому, что я буду выбирать с каждым разом более маргинальные пути, максимально отдалённые от общества. Поэтому я сомневаюсь, что мне придётся столкнуться с такой ситуацией, по

крайней мере, я на это надеюсь, поскольку у меня нет ни малейшего интереса к тому, чтобы бороться за то, во что я не верю. (Элунэй встаёт) Уже поздно, почти час ночи... Лучше я пойду!

Адриан: Как пожелаешь.

Элунэй: Завтра утром у тебя есть планы? Ты случайно не занят? Мне только вечером нужно в университет, так что всё утро в моём распоряжении. Можем куда-нибудь сходить.

Адриан: Да, отлично, у меня нет каких-то особенных планов на утро, проще говоря, я не собирался заниматься чем-то кроме сна. В любом случае, не переживай.

Элунэй: Можем пойти в кино. Мне кажется, первый сеанс в одиннадцать тридцать или в полдень, что думаешь? В это время всегда самые лучшие показы. Кроме того, мы можем таким образом притвориться, словно пошли в кино вечером, так как после обеда, я полагаю, ты ляжешь спать.

Адриан: Отличная идея! Тогда увидимся здесь около одиннадцати?

Элунэй: Хорошо, увидимся позже!

(Гаснет свет, Адриан покидает ресепшен, и на смену ему приходит Марина. Когда свет вновь загорается, наступает утро.)

Сцена восьмая

(Марина сидит за стойкой регистрации)

Марчелло: Доброе утро! (радостным тоном со стаканом кофе в руках)

Марина: Здравствуйте, чем могу вам помочь?

Марчелло: Я забронировал номер на имя Марчелло Нуньез. (В то время как Марина ищет детали его бронирования, Марчелло отвлекается и меняет тему разговора. Видно, что этот человек красноречив.) Вы правда не хотите признаться, в чём же секрет этого местного вкуснейшего кофе?

Марина: (хихиканье) Нет, нам не дозволено разглашать это. Это наш секрет. Если мы его раскроем, то в одночасье перестанем быть известными из-за нашего завидного эспрессо (корчит глупую гримасу).

Марчелло: Да, я понимаю. Рано или поздно, впрочем, вы тоже сдадитесь и раскроете нам эту "тайну" (пауза). Вы поймёте, что для меня это великое событие: я из столицы, и там кофе на вкус почти такой же, как вода... Это так невыносимо, что даже не верится. Здесь, напротив, у вас больше времени, чтобы

посвятить себя деталям — этим приятным изысканностям, — как же я вам завидую...(пауза) В столице мы всегда слишком завалены важными, материальными задачами и едва находим время на то, чтобы заняться мелкими делами, такими как хороший или плохой кофе; сейчас, впрочем, наконец-то я нахожусь в том состоянии, когда могу обращать внимание на эти маленькие удовольствия жизни. Как только я прибыл в город (слава Богу, что сейчас утро), первое, что я сделал, — отведал местный кофе.

Марина: Вы правильно сделали. Ведь это наш завидный кофе! И не просто кофе! В общем, с кулинарной точки зрения, у нас определённая репутация. Вам ещё предстоит попробовать много напитков, а прежде всего местных блюд! Я уверена, вы оцените их по достоинству!

Марчелло: Не сомневайтесь! (высокомерно смеётся) Я всегда обожал пробовать новые блюда, поэтому по прошествии нескольких месяцев я без сомнения попробую местную кухню, я из тех, кому между рабочими встречами нравится ходить в ресторан или бар.

Марина: (фальшиво) Ох уж эти удовольствия, без которых в жизни не обойтись!

Марчелло: Да... Вот увидите, я из тех, кто погружается во всё, что может предложить маленький город. Не хочу упустить ни одну “возможность” и потерять ни одного удовольствия! Это дарит мне осязаемое ощущение расслабления (пауза).

Марина: Будьте любезны, ваш паспорт, пожалуйста.

(Марчелло подаёт ей паспорт, в ответ Марина вручает ему ключи от номера) Благодарю, вот ваши ключи. Ваш номер находится на шестом этаже с правой стороны. Надеюсь, вам понравится, это одна из самых красивых комнат, которые мы можем предложить.

Марчелло: Спасибо. (Направляется к верхним этажам)

Сцена девятая

Марина: Привет, Бруно, доброе утро! Тебе что-то нужно?

Бруно: Нет, Марина, всё хорошо. Я просто пришёл, чтобы кое-кого подождать.

Марина: Это что-то личное или по работе, о чём идёт речь, если позволишь спросить? (слегка заинтригована и в инквизиторском плане)

Бруно: (угождает) Конечно, спрашивайте что угодно. Я здесь по работе, в ожидании встречи с господином Нуньезом.

Марина: А, теперь понимаю! (слегка морщит лоб) Значит, твои новые рабочие проекты связаны с Марчелло Нуньезом. Я не успела заметить...

Бруно: Да, это мой работодатель; он руководит филиалом компании, куда я устроился.

Марина: Понятно. Кстати, господин, которого ты ждёшь, совсем недавно прибыл в отель. (пауза) Ах, Бруно, я так рада за тебя! Более того, Марчелло показался мне лёгким в общении человеком: когда он только приехал сюда, он был в хорошем настроении, смеялся, спрашивал меня о нашем кофе; в общем, за тот короткий промежуток времени, который я с ним провела, он мне показался приятным человеком. (Бруно слушает практически равнодушно) Может быть не скоро, так как ты ещё молод и должен набраться терпения, тем не менее через несколько лет, я уверена, тебя ждёт блестящая карьера, и однажды мы увидим, как ты покинешь этот маленький город. (пауза) Я из-за моего возраста, признаюсь, чувствую себя счастливой здесь, в этом месте, потому что у меня есть всё, что мне нужно: большинство членов моей семьи находятся здесь, у меня есть собственный бизнес, у меня нет ни малейшего желания отдаляться от всего этого; хотя молодые люди — такие же как ты, правильно трудятся до изнеможения в поиске подходящих карьерных предложений и надеются на то, что однажды появится что-то лучшее в другом месте: всегда нужно шаг за шагом двигаться к чему-то более компетентному.

(Бруно слегка улыбается. Это натянутая улыбка)

Бруно: Марина, извините, что прерываю разговор, не могли бы вы сказать, сколько времени, вы как раз напротив компьютера?

Марина: Десять двадцать, а что? Ты пришёл не вовремя?

Бруно: Я вовремя; просто хотел убедиться, что пришёл заранее.

Марина: На сколько он тебе назначил?

Бруно: На десять тридцать.

Марина: Тогда ты пришёл идеально рано! (улыбаясь)

(Марина снова смотрит в компьютер и продолжает работать, Бруно в это время, взволнованный, прислоняется к стене ресепшена. Несколько мгновений тишины.)

Марина: И как дела у твоих родителей и у твоей сестры? У них всё хорошо?

Надеюсь, что да, должна признать, что уже несколько месяцев не сталкивалась с ними в городе и почти ничего не знаю о них.

Бруно: Дела у них неплохо. У моих родителей всё относительно хорошо. Конечно, всегда есть небольшие проблемы и повседневные сложности, которые нужно решать, но они не жалуются. Их жизнь уже устроена — в смысле завершенности, — так что им не нужно беспокоиться о том, чтобы всё время придумывать что-то новое, скорее, лишь продолжать то, что им уже принадлежит, день за днём, и это обычно не так уж сложно. (пауза, в нарастающем недоумении) И... что касается моей сестры, кажется, она наконец-то приняла решение выйти замуж.

Марина: Ах, здорово! Сколько ей лет, не могу вспомнить?

Бруно: Двадцать семь.

Марина: И когда свадьба? (оживлённо, взволнованно)

Бруно: Насколько я понимаю, точной даты ещё нет; есть несколько вариантов: ей бы хотелось выйти замуж в октябре; её будущий муж, в свою очередь, говорит, что лучше отметить свадьбу в январе; наши родители говорят, что лучше в... Короче говоря, каждый хочет, чтобы его мнение преобладало и навязывалось другим. Как только они договорятся о дате, я вам скажу. Вы все, конечно, приглашены; было бы здорово, если бы вы тоже смогли принять участие...

Марина: Безусловно! Мы придём, не сомневайся! Мы не можем пропустить такое событие!

Бруно: Благодарю вас (выдавливает улыбку) Хотя мне это кажется сложным, я надеюсь, что Адриан и Элунэй тоже согласятся поехать, ведь как бы то ни было, они мои лучшие друзья... Я поручаю вам убедить их (с жёстким лицом, почти задыхаясь).

Марина: Не бойся, я сделаю всё возможное, чтобы они пришли! (радостно, почти с сомнением)

Сцена десятая

(Бруно находится в зале ресепшен, ожидая Марчелло; Марина в свою очередь сидит и сортирует рабочие документы.)

Марчелло: Здравствуйте! (улыбаясь) Наконец-то мы встретились.

Бруно: Очень приятно.

Марчелло: Благодарю, что вы пришли; мы отправимся вместе в отделение. Но прежде мне бы хотелось обменяться с вами несколькими неформальными словами; признаюсь, мне нравится лично знакомиться с большинством людей, которых мы нанимаем на работу, и знать о них хоть немного...

Бруно: Да, я понимаю...

Марчелло: Отделение, как вы, наверное, знаете, находится в десяти минутах отсюда. Можем прогуляться или взять такси. Сейчас подумаем (пауза). Видите ли, я остановился в этом отеле, так как в квартире, в которой я планирую поселиться, всё ещё идёт ремонт и последние детали ещё не завершены. Какая же досада, но что поделать! В конце концов, когда покупаешь квартиру или дом, всегда нужно что-то чинить, обставлять мебелью, и так далее...

Бруно: Понимаю, приятного в этом мало.

Марчелло: Да, так и есть! Что угодно, кроме приятного. Я всегда обожал организованность, командную работу и пунктуальность; видите ли, мне сказали, что квартира будет готова сегодня, а на самом деле они задерживаются. Терпеть этого не могу, это в прямом смысле выводит меня из себя. Вы даже не представляете, сколько усилий я прикладываю к тому, чтобы всё спланировать согласно срокам, и когда что-то идёт не по плану, я тревожусь и бешусь. (пауза) Клетка, в которой я так хочу жить, должна была быть готова сегодня, но эти...

Бруно: Да, я вас понимаю, постарайтесь всё же набраться терпения. Ничего страшного, если вам придётся провести в отеле ещё несколько дней (отвлечённо).

(пауза)

Марчелло: Конечно, ничего страшного: я это переживу. Но честно скажу вам, это лишние хлопоты. Другие люди, возможно, попытались бы скрыть своё “беспокойство”, пытаюсь отстраниться и быть равнодушными к этой “головной боли”. Они бы без сомнений приложили усилия к тому, чтобы сдержаться; я в свою очередь не хочу быть фальшивым ни перед кем: эта задержка мне неприятна. Так и есть (жестикулирует), и я предпочитаю быть прямолинейным и никому не лгать.

(Бруно, обеспокоенный, кивает из вежливости)

Но оставим всё же эти прискорбные темы. Знаете что? Сегодня этот город показался мне ещё более красивым, чем обычно, давно сюда не приезжал.

Раньше, во времена моей средней школы — лет пятнадцать назад — я имел привычку часто приезжать сюда по разным причинам; потом я заперся в столице и посвятил себя более важным делам и начал всё меньше передвигаться (пауза).

В общем, как я сказал, город красив, так как здесь ритм жизни спокойнее, воздух свежее, пробок меньше, еда превосходная, но в плане развлечений и забав

здесь, конечно, выигрываем мы — люди столичные, которые могут похвастаться бесконечным количеством ресторанов, баров, многонациональных компаний, кинотеатров, театров, клубов, дискотек...

Это не мелочи! Я убеждён, что в столице каждый может найти что-то, чтобы отвлечься, потому что там есть развлечения на любой вкус. Это словно огромный парк аттракционов: там карусели всех видов, невозможно остаться недовольным и не найти того, что вам подходит. Вы не согласны? Конечно, ясно, что в городе не хватает природы, но это не такая уж неразрешимая проблема: когда наступают рождественские каникулы, вы можете легко улизнуть из столицы и отправиться в горы кататься на лыжах, пойти в поход или заняться чем-то другим, что вам по душе, так разрешается дилемма. Не так ли?

Бруно: Наверное, вы хотели подчеркнуть, что нашему городу не хватает оживлённости, которая присуща столице. Однако, для большинства из нас это не проблема, здесь спокойствие воспринимается как что-то привлекательное, и тот факт что мы можем избежать столичной суеты — это для нас привилегия.

Марчелло: Конечно. Но не совершайте ошибку, придавая чрезмерное значение этим факторам. Относительно небольшой город обладает некоторыми преимуществами, но он никогда не даст вам возможности помечтать. В столице, наоборот, собирается бесконечное количество перспектив, которые позволяют вам мечтать с размахом, дают вам надежды на то, что однажды вы почувствуете себя реализованными... Позвольте мне спросить конфиденциально, у вас есть мечты?

Бруно: Да, **(равнодушно)** как и у всех юношей моего возраста.

Марчелло: Понимаю. **(пауза, вздыхает)** Видите ли, в этом городе, учитывая недостаток рабочих предложений, достойных внимания, вам действительно повезло, что вы нашли работу в нашей компании, и вы должны быть рады, так как, говоря другими словами, это значит, что мы поможем вам осуществить ваши мечты, шаг за шагом... Если вы будете соответствовать нашим ожиданиям, я уверен, что перед вашими глазами откроется великое будущее. В один прекрасный день вы, пожалуй, тоже отправитесь в столицу: ведь маленькие города, как известно, могила мечтаний. **(Марчелло размышляет)** Старайтесь, работайте усердно, возвращайте свои стремления и, вот увидите, однажды ваши старания будут вознаграждены! Не думайте о мечтаниях, переполненных идеализмом — это то же самое, что быть инфантильным и витать в облаках,

думайте о том, как быть практиком и реалистом, так как в жизни необходимо быть конкретными, заниматься планированием и шаг за шагом двигаться вперёд. Одним словом, нужно быть объективными. Понимаете? (Бруно серьёзен, кивает головой, затем опирается на стену и продолжает слушать)

Вы ставите перед собой цель, направляете своё внимание и энергию на практическое выполнение, и всё это, будучи в потоке, приведёт вас к успеху (пауза). Знание и мысль — это лишь элементы вмешательства и воздействия на мир, не более того, и в идеале они должны утратить концепцию созерцания и рефлексии, которая принадлежит мышлению. Лучший подход, поверьте мне как человеку с немалым опытом, всегда в конкретности, иными словами, не в том чтобы останавливаться на теоретических и абстрактных аспектах, а в том, чтобы отдавать предпочтение практическим аспектам и эффективному осуществлению планов. Более того, имейте ввиду, что сегодня этот прагматизм невероятно ценится и востребован в деловой среде. Само собой разумеется, не так ли? Вы тоже понимаете, что человек, который придерживается прагматизма, всегда решит проблему быстрее человека абстрактного, который рискует зависнуть на слишком долгих теоретических умозрениях, тем самым заставляя нас всех потерять день впустую. (пауза) Мы — это то, что мы делаем, не забывайте это никогда! (поднимает палец, с убежденностью, как будто чувствует, что находится в облике философа практичности) И сейчас, скажите мне, вы воодушевлены возможностью работать на нас? (слегка фальшиво и высокомерно) Я уверен, что вы нервничаете сегодня. Однако на это нет причин, с нами очень легко поладить; мы сделаем всё, чтобы вы не чувствовали себя неловко.

Бруно: Не беспокойтесь за меня, чувствовать себя так в начале новой карьеры — нормально. Что касается вашего вопроса, думаю, что в целом я доволен (ложь); в конце концов, многим отведена судьба печальнее моей, и я не в праве жаловаться. Да, конечно, я счастлив... (чуть слышно, Марчелло тем временем кивает)

Марчелло: Не переживайте, всё будет хорошо. Итак, скажите мне, сколько вам лет? (отстранённо) Боюсь, я точно не помню...

Бруно: Двадцать три.

Марчелло: (напускным тоном, практически безразлично) Это золотой возраст. Не растрачивайте его понапрасну, не теряйте ни одной минуты! К тому же, знаете как говорят? (Я, честно, очень поддерживаю эту теорию). Что в возрасте, близком

к 23 годам, а затем только к 69 годам люди чувствуют себя наиболее счастливыми. Я вам также поясню, что цифру 23 выбрали потому, что в общем, утверждают, что именно в этот момент жизни человек чувствует себя более оптимистичным и воодушевлённым и верит в то, что ему ничто не может помешать осуществить то, о чём он мечтает. Более того, именно в этом возрасте люди становятся независимыми от своих родителей, и это, конечно же, тоже приносит определённое удовлетворение и радость. (Бруно слушает его, смотря то в одну сторону, то в другую, но не решается ответить, так как чувствует, что отвечать не стоит, и считает себя не в том положении, чтобы формулировать критические замечания) В общем, будь как будет, как насчёт того, чтобы отправиться в отделение? Сейчас почти десять пятьдесят; нас ожидают около одиннадцати.

Бруно: Конечно, нам пора идти.

Марчелло: Кстати, когда мы придём, я представлю вас вице-директору отделения господину Самбрано. Он невероятно приятный человек; более того, он близкий друг нашей семьи. (пауза) Я лучше расскажу вам. Как вам эта идея?

Бруно: Если хотите, то рассказывайте. (покорным тоном)

Марчелло: Так вот, вся компания всегда принадлежала моей семье, она очень старая; но это вы уже должны знать. Мой отец остался управлять главным отделением, тем временем господин Самбрано и я взяли на себя обязательство приехать и лично управлять этим местным филиалом с целью сделать его ещё более прибыльным. И это так чудесно быть здесь, я безмерно горжусь тем, (с надменной торжественностью) что формирую часть этого рабочего проекта и с помощью него имею возможность продвигать атавистические ценности моей семьи. (пауза) Поскольку господин Самбрано... Вы религиозны? (инквизиторским тоном)

Бруно: Мои родители да; я, если честно, давно таким не являюсь.

Марчелло: Лучше так. Я тоже не религиозен; или вернее, религиозен, но лишь для видимости. Видите ли, на практике, моя семья в одночасье решила начать следовать христианству, лишь потому что один священник был близким другом семьи моей мамы, и во время её свадьбы ему удалось уговорить маму играть свадьбу в церкви, где он служил. Так вот, с тех пор моя мать и мой отец, до этого исповедовавшие атеизм, притворились, что начали верить, и так провели уже много лет. Потом, когда я родился, просто из-за удобства и привычки, они

решили привить и мне рудиментарные ценности христианства. Я вырос, повзрослел; у нашего друга священника тем временем (неважно по какой причине) начались финансовые проблемы, с каждым разом ситуация становилась всё серьезнее, и мои родители совершенно справедливо предложили ему присоединиться к их компании. Он долго сомневался, но потом наконец решил оставить религию и, полностью посвятив себя материальным вопросам, стал моим вице-директором. Вы следите за моей мыслью?

Бруно: Да. (кивая головой)

Сцена одиннадцатая

(Элунэй входит через главную дверь; Бруно и Марчелло всё ещё разговаривают; Марина за стойкой регистрации решает рабочие вопросы)

Элунэй: (обращаясь к Бруно с лёгкой неловкостью): Привет, доброе утро.

Бруно: Привет, рад тебя видеть.

(Тишина)

Марчелло: (обращаясь к Бруно): Я оставлю вас ненадолго, чтобы вы пообщались со своей знакомой, я буду ждать вас здесь, в вестибюле. Поторопитесь, стрелки движутся к одиннадцати часам (бросает взгляд на свои наручные часы). Если мы не выйдем из гостиницы через несколько минут, мы неминуемо придём в отделение с опозданием, и этого мы не можем себе позволить. (Прежде чем уйти, он кладёт руку ему на плечо, как бы призывая поторопиться и не упускать из виду то, что действительно важно при подобных обстоятельствах, затем обращается к Элунэй) Желаю вам хорошего дня!

Элунэй: Спасибо, вам тоже! (обращаясь к Марчелло, затем начинает говорить с Бруно) Как ты?

Бруно: Хорошо, спасибо. По крайней мере, мне так кажется (говорит медленно). А ты?

Элунэй: Ну, да, со мной тоже всё хорошо, в смысле, неплохо... (насмешливым тоном)

(Марина встаёт со стула ресепшена и вмешивается в разговор, как бы желая избавить молодых людей от неловкости, появившейся между ними)

Марина: (обращаясь к Элунэй) Какое совпадение, что ты тоже зашла сюда этим утром! Хочешь услышать новость? Твой друг Бруно недавно сказал мне, что его сестра выходит замуж, и он пригласил нас всех на её свадьбу, правда здорово?

Элунэй: О, какая радость, поздравляю! (Она чрезвычайно изумлена, затем, несмотря на это, пожимает ему руку, как бы стремясь порадовать его)

Марина: (обращаясь к Элунэй) Давай позволим этому молодому человеку присоединится к господину Марчелло, который ждёт его снаружи; без сомнения, не подобает заставлять его ждать. Развлечём Бруно нашими разговорами в более удобный момент.

Элунэй: Конечно.

Бруно: Да, извините, действительно будет лучше оставить вас сейчас. До скорого, увидимся! (Бруно поспешно покидает отель)

Элунэй: Кто был этот мужчина, который ждал его в вестибюле? Его коллега по работе или что-то вроде того, я полагаю? Судя по его внешнему виду, кажется, что он не отсюда, а из большого города, из столицы (грустно улыбается). У него был чрезмерно светский вид, гораздо более светский, чем наш или тот, к которому мы привыкли.

Марина: Ах, да, в больших городах люди, несомненно, более элегантны и изящны, чем мы. Его зовут Марчелло Нуньез, и, как я поняла, это не его коллега. Он его работодатель или вроде того...

Элунэй: Да, понятно. Твой ответ, должна признать, меня не удивляет. (Марина возвращается к стойке регистрации)

Марина: Ты пришла на встречу с Адрианом?

Элунэй: Да, я его жду.

Марина: (вздыхает) Эх, мой сын практически ничем не делится со мной. Я совсем не в курсе, чем он занимается вне этого отеля. Дай Бог, он не всегда будет таким закрытым и сдержанным.

Сцена двенадцатая

(Адриан спускается по лестнице)

Адриан: А вот и я, доброе утро вам обеим! (Обращаясь к Элунэй) Извини за опоздание, я проспал и совсем не заметил, что уже так поздно. (пауза) Надеюсь, вы хорошо отдохнули.

Марина: Ужасно! Эта духота просто невыносима, из-за неё все мы неизбежно просыпаемся с тёмными кругами под глазами. Если бы мне пришлось родиться заново, я бы очень хотела родиться в более северном городе! (высокомерно)

Элунэй Я, наоборот, всю ночь не спала.

Адриан: Почему?

Элунэй: Из-за того, о чём мы говорили вчера: если ты не спишь ночью, ночь автоматически превращается в твой день; следовательно, было бы логично пойти в кино в полдень.

Марина: Какое безумие! (трясёт головой)

Элунэй: (обращаясь к Адриану) Я пошутила, это вообще неправда. Я даже завела будильник, чтобы проснуться, в ином случае я бы не смогла встать сегодня утром. (Адриан и Марина направляют свой взгляд на дверь, ведущую на улицу)

Адриан: Лучше скажите мне, что там за шумиха?

Элунэй: (смотрит на дверь) Кажется, тусовочная молодежь расшумелась. (озадаченно) Ночные веселья я ещё могу понять, но встать в это время, чтобы развести балаган, мне кажется просто непонятным. (расстроена)

Марина: (весело) Должно быть, у них был выпускной, если я не ошибаюсь, у одного из юношей лавровый венок на голове! (растроганно) Как трогательны всё же эти моменты, они меня так впечатляют!.. (снова смотрит на дверь) Пойдите-ка, я присмотрелась получше и вижу, что это тот юноша, который ночью доставил нам пиццу! (машет ему рукой)

(Доставщик узнаёт Марину и подходит к ресепшену отеля)

Марина: Поздравляю! Поздравляю! Так здорово видеть, что вы теперь выпускник!

Доставщик: Спасибо, спасибо! (пауза) Понимаете, в этот момент во мне переливается радость, беззаботность — словно я пушинка — и в то же время удовлетворение, и всё потому, что я осознаю, чего я достиг! Ad meliora et maiora semper! Всегда к лучшему и большему! (нахваливая самого себя)

(Элунэй остаётся в стороне с Адрианом)

Элунэй: Примите наши поздравления, желаем вам плодотворного будущего.

(Доставщик делает реверанс/поклон Элунэй в знак благодарности, затем он поворачивается к Марине и достаёт что-то из своего кармана)

Доставщик: (обращаясь к Марине) Возьмите, пожалуйста, это моя визитка психолога (улыбается). Я заблаговременно отправил их в печать, чтобы сразу начать раздавать их с гордостью, как только закончу учёбу. Конечно, я ещё точно не знаю, в какой организации буду работать, но пока, прошу вас, сохраните эту визитку с моими данными. Честно надеюсь, что нет, но никогда не знаешь, может, однажды вашим знакомым понадобится помощь психолога.

Марина: Конечно, я буду бережно хранить её в своём бумажнике. Сейчас в нём полно всяких визиток, (слегка качает головой, затем достаёт некоторые визитки, пытаюсь привести их в порядок) у меня даже есть одна из похоронного бюро. Ха!

Доставщик: Лучше так, всегда лучше быть предусмотрительным.

(Итак, он приближается к Адриану и Элунэй) Вот и для вас экземпляр.

(протягивает визитку Адриану)

Адриан: Нет, нет, спасибо, нам не нужно. (неохотно)

Доставщик: Пожалуйста, возьмите, соглашайтесь...

Адриан: Нет, нет, не обижайтесь, но мне это не нужно и неинтересно.

Доставщик: (Обращаясь к Элунэй) Тогда вы возьмите. (пауза, наблюдает за девушкой и удивляется) Вы такая же, как и ваш молодой человек, кажется, сегодня вы не в настроении. (легко покачивает головой) Может быть, вас что-то тревожит?

Элунэй: Нет, вообще нет. А вас?

Марина: (своему сыну) Сколько увертывания и сколько сдержанности, если бы только вы оба сказали, что вас беспокоит, мы бы сделали всё возможное, чтобы помочь вам стать счастливее!...

Доставщик: (обращаясь к Элунэй) Возьмите, я настаиваю!

(Элунэй наконец хватает визитку и небрежно кладёт её в карман)

Я вас уверяю, что я предлагаю (не только вам, но и любому, кто в этом нуждается) превосходную услугу; я вам это гарантирую, доверьтесь мне (пауза, затем он возобновляет свою речь в пояснительной манере).

Однако ясно, что ещё в течение некоторого времени, может, нескольких недель или максимум месяцев, я не смогу официально работать в компании.

Тем не менее, если вам срочно понадобятся мои услуги, даже до того, как я официально приступлю к работе, не волнуйтесь, ведь я не из тех неприятных людей, которые не могут приспособиться к чужим потребностям: приходите прямо в пиццерию напротив, где я работаю, и мы поговорим о том, что вас беспокоит, обещаю, я сделаю всё возможное, чтобы вы чувствовали себя комфортно... (улыбается) А сейчас, в завершение, я желаю вам всем чудесного дня и всего хорошего! Мои друзья ждут меня снаружи, и я больше не могу заставлять их ждать меня! До скорой встречи!

КОНЕЦ